

ПАМЯТИ ДРУГА

Сегодня для всех друзей и почитателей таланта амурского писателя Бориса Машука день его памяти. Два года назад, именно в этот январский день, Бориса Андреевича не стало. Но остались его книги, рукописи, остались добрые воспоминания о нем.

Добрую часть своей жизни Борис Машук проработал журналистом в «Амурской правде», а ее внештатным автором оставался до последних лет своей жизни. Очерк, отрывки из которого мы предлагаем сегодня вам, написан в начале 70-х годов.

В ДОЛИНЕ «ПИСАНОГО КАМНЯ»

Как тесно связаны человек и природа...

Казалось бы, совсем простое дело - начало дня. Если утро солнечное, высокое от чистоты неба и дышит легкой освежающей прохладой - то и человек чувствует себя бодро, весь он наполнен тихой радостью и ожиданием доброго. А вот когда день с утра кутается в покрывало из низко ползущих, тоскливых, пепельно-серых туч, да еще и дождем расплачется - и человек ходит хмурый и недовольным. В такой день все раздражает. Сырость на улице, темнота в квартире, чай горячий и даже своя рубашка с чуть тесноватым воротом, с которым раньше мирился и тесноты которого почти не ощущал.

Все это там, дома... А вот в тайге непогода еще сильнее душу выворачивает. Хотя, признаться, в безветрие, под шорохи капель по тенту палатки спится хорошо, со спальным мешком расстаться с большой неохотой. А надо... Надо вставать, идти надо. И через пять минут ходьбы по мокрым кустам, под деревьями, с которых при малейшем прикосновении барабанит на плечи крупная капля, на тебе сухих мест - сигареты да спички в целлофановом пакете. В дождливую сырость и привал не радует. Ни тебе одежду просушить, ни поесть толком, ни покурить с удовольствием.

Вот так у нас все было вчера. А сегодняшний день из тех, которые радуют. По голубому разводу почти неподвижно висят над нами легкие облака, ярко светит солнце, а от простирающихся вдаль предгорий Станового ровно потягивает ветром, несущим прохладу северных гольцов.

Время обеденное. После похлебки и чая мы отдыхаем. Выбранная для большого привала песчаная коса в лучине реки хорошо обдувается ветром, и нам не нужно отмахиваться от мошкар, наверное, проклятой и самим богом.

Шагах в десяти от нас, встревоженно крикая, сидит дикая утка-черныш. Она то взлетает, то опять садится на воду, беспрестанно роняя в тишину зовущее-предупреждающее «квррк-кворк». Это для выводка из восьми утят. Подходя к косе, мы их спугнули с плеса. Птенцы еще не умеют летать, но удивительно быстро бегают по воде, взбивая крылышками серебро брызг. Утята успели спрятаться в густой траве на другом берегу. Наши собаки - чистокровные лайки Уркан

Борис МАШУК

и Нюкжа - бросились было за ними, но скоро вернулись. Посмотрев на обескураженную, недовольную морду своего любимца Уркана, Анатолий не удержался от смеха.

Дорогой он как-то объяснял мне, что совсем маленькие птенцы не имеют запаха. Собака, соболь или лисица могут взять их только зрением. Не знаю, так ли это... Но по опыту прежних походов и наблюдений на охотничьих зорях хорошо знаю, что природа всегда на стороне слабых. И сегодня перед привалом мы наткнулись на птенчиков бекасики. Захваченные на середине косы, они замерли в неподвижности и благодаря искусной окраске под камень стали совершенно неотличимы от лежащих вокруг гольшей. Нюкжа пробежала рядом с затаившимся птенцом, никак не среагировав на него.

Сейчас, еще раз убедившись в бесполезности охоты за выводками, лайки лежат спокойно, положив морды на вытянутые лапы. Иногда утка пролетает совсем близко от них, но даже Уркан - годовалый кобелек, в равной степени настырный, плутоватый и смелый, - не открывает глаза. Он, видно, тоже устал и не хочет тратить время на беготню во время привала. В пути мы уже четвертый день.

Мы - это уже названные Уркан и Нюкжа, аспирант Дальневосточного филиала Новосибирской академии наук, археолог Анатолий Мазин и автор этих строк, в качестве корреспондента газеты решивший промяться с археологическим отрядом вдалеке от обычной суеты сует. И вот четвертый день, тяжко разминаясь, мы забираемся к северу, вверх по течению Онони. Далеко позади осталась Зей, с широким разводом русла и просторными косами, а здесь, куда ни посмотри вокруг, - только тайга и тайга. Онони петляет, становится все уже. По ее руслу то и дело встречаются завалы из убитых водой деревьев. Хотя местность все время повышается и уже близкими стали первые гольцовые вершины Станового хребта, но все тяжелее даются нам шаги по галечниковым косам, обходы обрывистых берегов через кочковатые мари, густые заросли кустов и деревьев, по мхам и «коврам» из волчьего багульника. Ходить по ним - одно мученье. Нога глубоко погружается в мох, часто натывается то на ствол полусгнившего дерева, то на колючку или скрытый камень. Из-за этой мягкости под сапогом невозможно сделать полный шаг, и, как ни старайся, больше трех

километров в час не пройдешь. Через тридцать-сорок минут ходьбы энцефалитка промокает от пота, а объятия лямок лежащего на спине рюкзака становятся до неприятной крепкими.

Позавчера, отыскивая попутную тропу, мы пробовали идти вершинами сопочек, поднимающихся в стороне от берега, на краю речной долины. Но и там лишь кое-где чувствовали под ногами твердую почву. Все то же мох, те же коварные кочки, завалы и каменистые осыпи... А вечером, решив опять спуститься к реке, которую совсем не трудно потерять в плохо выделенной и густо заросшей долине, мы залезли в такой лабиринт из протоков, стариц и хитросплетений впадающих в Онони ручьев, что едва не потеряли ориентировку. Опускались сумерки, моросил дождь, над головами тянулись черные тучи. Со всех сторон нас окружали высоченные лиственницы. Продираясь сквозь плотную стену ерника, мы выходили то на старицу, затянутую ровным ковром свежеселеной, лежащей на воде травы, то на протоку с черной, скрывающей глубину водой. От нас убегали выводки уток. Где-то совсем рядом, за чашей, мы слышали всплеск бросившегося в воду сохатого. Но нам, измученным до предела, был нужен только берег потерянной реки, нужно

было до полной темноты вырваться из топи, из чертовых кочек в человеческий рост и кустов, безжалостно рвущих одежду.

Речку мы все-таки нашли, и, поужинав, лежа в спальнике я думал о том, что не скоро решусь на второй подобный маршрут. Но... Погода переменчива, человек отходчив. На другой день мы опять шли под кронами могучих лиственниц, через просторные, хорошо просматрива-

емого нет. Раньше, давно уж, в ее верховьях паслись олени стада колхоза «Ударник», расположенного в поселке Бомнак. Кое-где мы еще видели заросшие молодыми деревьями и затянутые мхом старые тропы.

...Порой мне казалось, что сегодняшний день никогда не кончится. Мы страшно устали. Даже Уркан и Нюкжа после привала присмирели и все реже отбегали от нас для проверки ближних зарослей. Я уже хотел было заговорить о привале, но перед закатом на крутом склоне правого берега Анатолий увидел две каменные глыбы и повеселевшим голосом объявил:

- Считай, старик, что мы добрались. Эти камни - верная примета!

Мы поднялись на берег. Здесь, около камней, кое-где во мху белели консервные банки, а на одном из них четко выделялась выбитая надпись «БПИ» и «1959 г.».

- До писаницы остается три километра... Сейчас срежем напрямую вон ту излучину и будем на месте...

Три - не двадцать. Закинув на спины рюкзаки, уже намного бодрее мы пошли по мхам, углубляясь в заросли, начали медленно подниматься по пологому склону холма.

Шагая рядом, Анатолий рассказал мне историю надписи на камне.

ДВЕНАДЦАТЬ лет назад по инициативе кафедры истории и областного краеведческого музея в пединституте была организована студенческая научная экспедиция. В нее входили четверокурсники историко-филологического факультета Владимир Евдокимов, Анатолий Дзевенис, Владимир Клещев, Валерий Шевченко, Владимир Колпин, жители Бомнака Евгений Брунев и Виктор Александрович Палецкий, пошедший проводником экспедиции. Ее участники занимались изучением эвенкийского фольклора, археологическими и геологическими исследованиями, сбором исторического материала. Часть экспедиции побывала на реке Арги, в районе Партизанских озер, где в годы гражданской находились склады с оружием и продовольствием для отрядов партизан. Спускаясь по реке на плоту, в одном из зимовий исследователи обнаружили выбитые на камне фамилии партизан, на другом - сделанную гильзой надпись «1918 г. Вся власть Советам!».

Но самое примечательное в том, что экспедиция не дошла до главного археологического памятника - «писаного камня», стоящего в долине реки Онони. В честь его-то она так и названа. Оказывается, слово «Онони» в эвенкийском наречии обозначает «узор», «красивый рисунок». А увидеть «писанный камень» экспедиция помешал проводник-эвенк, вначале ведший ребят в тайгу. Он просто не довел их до места, видимо, не желая подводить посторонних к национальному святыщу.

Солнце еще не упало в ложбину между двумя далекими вершинами на западе, когда шагавший чуть впереди Анатолий остановился и, глядя на правый берег, негромко проговорил:

- Пришли... Вот он, «писанный камень»!

За струящейся внизу речкой среди вершин растущих на небольшой сопке деревьев виднелась не очень-то отличимая, чуть скошенная макушка камня. Издали совсем неприметного, скрытого деревьями. Но когда мы, спустившись вниз, в последний раз перебрели речку, поднялись по склону и оказались рядом с камнем, я замер, пораженный своеобразной красотой и величием этого монумента.

емые роши берез, разглядывали узоры, оставленные на мокром песке лапками гусиных и утиных выводков, шагали вслед за прошедшими перед нами медведицей с медвежонком и удивлялись проворности шмыганувшего в кустах соболя.

Вчера же гоняли мы в прозрачной струе реки больших ленков. Я быстро собрал спиннинг, прицепил сначала блесну, потом «мышку». Блесну проводил перед самым носом стоящих на течении рыб, но они даже не хотели смотреть в ее сторону.

И снова мы шли по рассыпанной под ногами бруснике, срывали костянику, голубицу, красную смородину и переспелую жимолость. И тогда я о другом думал. Все в природе взаимосвязано, а потому стоило пройти через многие трудности, чтобы самому познать богатства родной стороны, так вот, вблизи, увидеть ее суровую красоту и величие, которым нельзя не радоваться, которыми нельзя не гордиться. И только об одном душа сожалела. О невозможности использования богатств нашей природы. Уж очень много здесь зря пропадет леса, грибов, ягод. Но что сделать... Велика она, земля приамурская. Еще не скоро протянутся по этой глухомани дороги, вырастут поселки из домов под шиферными крышами.

Пока же в долине Онони ни-

Представьте себе пологую вершину сравнительно небольшой сопки. Как и ее соседки, она поросла кустарником, березами и постоянной для севера лиственницей, завалена тонкими стволами молоденьких лиственничков, когда-то подгоревших, покрыта редкой травой, мохом и тем же волчьим багульником. И вот на ней, словно древний замок, стоит многотонная скала двадцатиметровой высоты с ровными стенами - где с острыми гранями углов, где плавно округленными. Строительным материалом для своего шедевра природа избрала гранит. Он весь изрезан базальтовыми прослойками, из-за которых создается впечатление, что, начиная снизу, камни клали один на другой. Солнце, вода, ветер, жара и морозы отложились на камнях многими трещинами, шербастинами и желобками, обточили глыбы, придав им самые разные формы. С одной из сторон от тела скалы отделились и неизвестно каким чудом держатся два «пальца». Вздвываясь отдельно, они кажутся тонкими, но для перевозки хотя бы одного из них потребуются не меньше десятка железнодорожных платформ.

Правильность граней скалы, лежащие друг на друге глыбы, разделенные ровными трещинами, невольно подсказывают мысль: «А не руки ли человеческие создали эту величественную красоту?» Но такое и представить-то невозможно. Эти камни не под силу и современным бащенным кранам. К тому же, как объяснил Анатолий, жившие здесь племена никогда не занимались кладкой. А образовалась скала, скорее всего, после смещения земной коры. Ее или выжало из середины сопки, или, что реальнее, она осталась, как более крепкая стержневая часть ее при осадке почвы.

Однако не загадка происхождения скалы привела нас сюда. Но об этом завтра... Уже поздно, нужно отдыхать. В очищенном свежестью небе рассыпались близкие звезды. Похолодало так, что виден пар от дыхания. Это вечная мерзлота под нами напоминает о себе. С наступлением ночи исчезают и комары «мошкаркой». Теперь они оживут с рассветом, с солнцем. Только... зачем?

ХВАЛА и низкий поклон создателям препарата «ДЭТА». Все другие, ранее выпускаемые для отпугивания комаров препараты не могут сравниться с этим. Утром, слегка смазав им руки, шею и лица, мы спокойно работали в течение пяти часов. Из выходящего перед нашими лицами серого облака гнуса редко какой кровосос рисковал сесть на открытое тело.

Сегодня мы начали детальное изучение «писаного камня». На его девяти плоскостях имеются рисунки. Среди них видны изображения оленей, фигурки человечков с поднятыми руками, человека с причудливыми шаманскими украшениями на голове, опять рисунки оленей, непонятных предметов и еще оленей. В очертаниях больших из них внутри вписаны маленькие. Рисунки по-детски аляповаты, нанесены они природной охрой, но отлично сохранились, и как-то не очень верится, что им ни много ни мало, а более двух тысяч лет. Не верится, а это факт.

Переходя от плоскости к плоскости, мы переносили изображения на кальку, и, слушая объяснения своего ученого спутника, я пытался хотя бы на сотую долю верно представить далекого предка, жившего на этой земле, ходившего по берегам этой же реки, по таким же мхам и непролазным зарослям; пытался представить, с каким трудом добывал он пищу засушную и самим бытием в ежедневной борьбе с лишениями эволюционировал, незамет-

но для самого себя. Тогда ведь не было в продаже кирзовых сапог и более удобных для ходьбы по летней тайге ботинок туриста, не имелось плащей, палаток с накомарниками, энцефалитных костюмов из плотной ткани, не имелось оружия, страшного для самого крупного и самого хищного зверя. И уж, конечно, над головой тогдашнего земляка моего не гудел в бездонной высоте турбореактивный лайнер, летящий, как нам говорили, по проложенной над здешними местами трассе Москва - Токио.

Самолет шел высоко, километрах в десяти от земли. Его пассажиры, наверное, дремали в салонах с искусственным климатом или, уступая предложению очаровательных стюардесс, управлялись с курятиной, пили минеральную воду, посасывали кислые карамельки, а мы стояли у подножия «писаного камня», рассматривали рисунки, пытались точнее определить то время, когда рука человека протягивалась к огромным плоскостям. Ответ на этот вопрос - цель нашего похода, главная задача отряда аспиранта Мазина.

Анатолий объяснил мне, что подобных археологических памятников в Приамурье нашем немало. И писаницы (так называли «писаные камни» первые землепроходцы) - главный предмет его диссертации, защита которой намечена на будущий год. Изучая их, где на моторке, а где на оленях, хрупкой байдарке или пешком, Мазин забирается в самые отдаленные места края, в глухие урочища по Олекме, Уркиму, Нюкже, Арги, Алдану... А за лето нынешнего года ему нужно побывать у шестнадцати писаниц. После раскопок у них, после анализа и обобщения полученных результатов, с трибуны собрания специалистов, одним из первых в стране, Анатолий собирается предложить новый метод определения возраста подобных археологических памятников, метод, разработкой которого он пришел после изучения трудов своего учителя академика А. П. Окладникова, в результате собственных поисков и умозаключений.

Исследуя прошлое по данным ранних раскопок, Анатолий пришел к мысли о существовании так называемого слоя жертвоприношений.

Нашему предку жилось туго. Он болел, но не имел понятия о пенициллине, шприцах, пиррамидоне, анальгине и гипсовых повязках. Он мерз в своем примитивном жилище и в примитивно сшитой одежде. Он голодал в дни неудачной охоты. Случалось, из-за голода и болезни исчезали целые племена. И вот тогда предок начал подумывать о том, что ему все невзгоды кто-то подсовывает по злобе или обиде, что кто-то другой делает ему добро, посылая хорошую погоду, направляя его руку с копыем, натягивая тетиву лука. Ему представлялась сверхъестественная сила в образе злого и доброго духов. А уверовав в их существование, ему уже не трудно было (не без помощи более сообразительных шаманов) определиться в собственном отношении к ним. Злого духа он старался не гнеть и вообще держаться от него на приличном расстоянии. Ну а доброго нужно было сделать еще добрее, ему, и так уже не раз проявлявшему догадливость, нужно было подсказать, в чем на сегодняшний день нужда ошутимее. И человек рисует на плоскости святой скалы оленя в олене. Значит, нужно, чтобы в стаде был хороший приплод. Но «намак» без «надбавки» мог оказаться шаманом духом. И вместе с шаманом - полномочным представителем рода-племени в отношении с божеством - уповая на духа, предок тащил к скале все, что было у него лучшего.

Подарки считались святыми

и неприкосновенными, как и место их подношения. И на каждом из них, через века, образовался слой жертвоприношений. В одном из них Анатолий обнаружил хорошо сохранившиеся берцовые кости животного. Притащивший их предок, видимо, рассуждал так: «Вот, бог-дух, самое вкусное отдаю тебе - кости с парными мозгами... Смотри, как мы радуемся и, взявшись за руки, танцуем вокруг костра. Я тебе нарисую об этом. А ты уж не забудь и моей доброты, помоги одолеть ее в битве, и я опять поделюсь с тобой...»

У писаницы на Уркани в слое жертвоприношений были найдены наконечники копья, бусинки, монета, плоская и круглая, как современная трехкопеечная, но с квадратным отверстием в центре. Отсутствие кошельков и карманов вынуждало предков носить свой капитал на веревочке, как сушки. По краям этого отверстия нанесены не то гербы, не то родовые знаки. По ним специалисту не трудно будет определить время хождения подобных денег, а вместе с этим - и время установления новой формы стоимости частной собственности. И многие другие, дошедшие до нас из глубины веков находки позволят определить возраст писаниц и, следовательно, время существования племен, уровень их развития на определенных этапах, быт и строй, экономику и культуру, позволять создать зрительное представление о расселении людей. А если говорить короче - дополнить и сохранить историю родной стороны, что очень важно, на что советское государство никогда не жалело средств, оснащая подобные археологические экспедиции техникой, снаряжением, одеждой и продовольствием. И ради истории уходят в тайгу такие вот одержимые и верные научному долгу люди, как Анатолий Мазин.

Ему немногим более тридцати. Соответственно возрасту и биография. В ней - война, детский дом, учеба и школа. Рослый, крепко сложенный парень думал посвятить себя спорту, много тренировался и успешно выступал на соревнованиях, установившая областные рекорды. И после окончания специальных курсов некоторое время он работал в школах преподавателем физкультуры. Потом была армия и учеба на историко-филологическом факультете Благовещенского пединститута. Тогда-то, еще уча на втором курсе, он побывал в одной из экспедиций академика Окладникова, и дальнейшая судьба Анатолия была решена.

С той поры он каждое лето в тайге или среди степных холмов, там, где ведутся археологические раскопки.

СЕГОДНЯ у нас особенный день... Он последний у подножия «писаного камня», и сегодня отличилась почти все участники нашей группы. И первым отличился Уркан.

Спускаясь от скалы к Онони, на обрывистом берегу которой расположен наш табор, мы собирались с аппетитом хорошо поработавших людей доесть утром сваренный суп. Уркан все время крутился рядом, а потом незаметно исчез. Подойдя к табору, мы увидели сброшенную с котелка бересту, но в самом котелке не увидели ни одного куска мяса. Виножник ЧП стоял тут же, сладко облизываясь и поглядывая на мир веселыми глазами.

За преступлением последовало наказание. Уркан огрызнулся было, но получил от хозяина еще и, поджав хвост, убрался с табора. Из чувства солидарности Нюкжа отправилась следом за ним. Спустя некоторое время мы увидели собак

далеко внизу, на косе. Помахивая закрученными на спину хвостами, они перебрались через речку и скрылись в кустах, видно, направляясь в самостоятельный поиск.

- Придут! - сердито проговорил Анатолий. Он тут же широко улыбнулся: - Уркана разбавляли парни, которые со мной на Усть-Ту работали... Он у них что хотел, то и делал. Чертенюк, заставил опять суп варить.

Пережив задержку с обедом, мы опять отправились к скале, где я изобразил из себя археолога. Еще вчера Анатолий вооружил меня штыковой лопатой, специальным совком и, указав место под одной из плоскостей с рисунками, «порекомендовал» поискать слой жертвоприношений. Сам он, используя хорошее освещение, занялся фотографированием памятника и рисунков на простую и цветную пленки.

За работу я взялся с огромным желанием немедленно откопать что-нибудь для истории. Расчистил дерн, убрал кучу мешавших обломков камня, с остервенением выдирая корни ближних кустов и деревьев. Однако прошел час, второй, а история не обогащалась. И, как это часто бывает с неподготовленными, не имеющими полного представления о выполняемой работе людьми, начал сомневаться в правильности выбора места для раскопок. Энтузиазм мой выдыхался быстрее, чем запах «ДЭТЫ» с рук и лица. И само собой лопата стала казаться мне неудобной, и я уже намерился выступить с деловым предложением о замене черешка, как вдруг услышал слова Анатолия, после съемки ковырявшегося под соседней плоскостью:

- Нашел рыболовное грузило!

В его руках лежал плоский базальтовый камень с неровными наружными краями, но с точно выделенным отверстием в середине. Пролетав в земле тысячи лет, грузило разломилось на три куска, края которых точно подходили один к другому.

- Видишь, какими орудиями предки рыбу ловили? - усмехнулся Анатолий. - А ты спиннингом, современной блесной не смог ленка взять...

Его находка оживила мой энтузиазм, и спустя часа два, правда, уже под другими рисунками, в песке и оставшемся от древних костров древесном угле я вырыл два небольших осколка от глиняного сосуда.

Осмотрев осколки, Мазин постоял, молча поглядывая на спадающие уступы скалы и пробитый водой желоб, потом задумчиво проговорил:

- У племен были разные обычаи... Возможно, здесь жертвоприношения ставили перед рисунками в сосудах. Но время разрушило их, приношения, как и остатки горшков, ливневая вода отнесла от скалы. Надо копать дальше...

Однако «копать» - не то слово. Прежде чем действовать лопатой, приходится разбирать целые кладки из позже обрушившихся сверху камней, снимать толстый слой дерна, вырывать корни берез и стланика. Но старания мои награждаются все щедрее. К обеду сегодняшнего дня остатков керамической посуды, а попросту черепков, набралось около сотни. Больших и маленьких, с верхним буртом, с отверстиями для подвешивания. Но Мазин требует от меня черепков с орнаментом. Он говорит, что орнамент - это более точный ориентир для определения даты. И мне очень хочется найти осколок с рисунками. Но, выгребая из ямы землю, я вдруг вижу скатывающуюся по срезу шурфа совершенно круглую зеленую бусинку с дырочкой для нитки. «Это, пожалуй, получше какого-то черепка!» - с торжеством

думаю я, сообщая о находке Анатолию. А он, еще не выйдя из-за угла скалы, уточняет:

- Зеленая?
- Зеленая, - подтверждаю я упавшим голосом, недоумевая, откуда он мог узнать о цвете моей, именно моей бусинки.

- Средневековье, - глянув на бусинку, уверенно проговорил Анатолий. - Такие мы находили на всех раскопках. Бывают еще коричневые или черные, но те встречаются реже... Это конец семнадцатого века, начало продвижения цивилизации в быт диких племен...

- Выходит, она тебе и не нужна? - расстроено спрашиваю его, утешая себя видением бусинки в числе других сувениров на своем стеллаже с книгами.

Но Мазин заворачивает находку в бумагу и прячет в бездонном кармане.

- Это же один из экспонатов поздних жертвоприношений, свидетельство начала торговых связей... Нужно копать еще!

- Собирать черепки?
- Черепки тоже, - вздохнув, подтвердил он.

К концу сегодняшнего дня черепков набралось более сотни. А рядом на камне были сложены другие находки - два каменных скребка, грузило, железный наконечник стрелы, бусинка. Но на лице Анатолия не замечалось особого удовлетворения находками. Он все ходил вокруг скалы, подолгу всматривался в рисунки, молча курил. Потом уж, в конце работы, он объяснил, что экспонаты не соответствуют некоторым его предположениям. По своему характеру рисунки должны бы относиться к более раннему периоду, но находки говорят нам о втором-третьем веках до нашей эры, соответствуют началу железного века. Причина такого расхождения могла заключаться в отсталости отдаленных племен, обособлявшихся от соседей, что, конечно, тормозило их собственное развитие. Могла быть и другая причина, но ее нужно искать в сопоставлении с рисунками на других камнях, с находками при раскопках в других местах.

РАСКАЗЫВАЯ, Анатолий бережно уложил находки, спрятал их в полевую сумку с планшетом и калькой, на которую были перенесены рисунки. Лопаты и совки, как лишние грузы на обратном пути, он решил оставить здесь и спрятал их у основания скалы, в недоступную для дождей нишу.

- Может, еще кто придет сюда, - проговорил он с грустью. - Хотя... В такие места люди приходят раз-два за всю жизнь. А камень разрушается. Жаль...

Он решительно отверг мое предложение о прощальном салюте и, чуть согнувшись, выбирая в завале деревьев место для шага, начал медленно спускаться к Онони, желтеющей косами, по которым нам предстояло идти обратно.

Когда шаги Анатолия затихли, стало слышно гудение ветра в расщелинах между глыбами. Этим навевающим грусть звуком скала будто прощалась с нами, сожалела о расставании, обрекаяшем ее на долгие годы одиночества. Ведь теперь люди приходят к ней очень редко... Что ж... Прощай, «писаный камень», хранитель веков, свидетель судеб племен и поколений... Прощай!

ОТ РЕДАКЦИИ. Сегодня аспирант Анатолий Мазин - главный герой этого очерка, уже доктор исторических наук. Живет и работает Анатолий Иванович в Новосибирске.